
РЕТРОСПЕКТИВА

Е.Б. ШЕСТОПАЛ*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН О БУДУЩЕМ СВОЕЙ СТРАНЫ: СМЫСЛОВЫЕ АКЦЕНТЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОПТИКА¹

Аннотация. Происходящие в последние годы трансформации в российской и мировой политике привели к существенным изменениям массового сознания. Меняются не только ценности, установки, представления людей о том, что происходит в реальной политике сегодня, но и видение людьми будущего России. На основании исследования, проведенного на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в конце 2023 – начале 2024 г. в 37 регионах, в статье описаны представления опрошенных о будущем своей страны. В ответах опрошенных прослеживается влияние как глобального, так и национального контекста. Глобальный тренд, обусловленный воздействием новой социальной реальности, ведет к росту неопределенности и амбивалентности в наших ожиданиях будущего. Но наряду с этой общемировой тенденцией в российском массовом сознании проявились отчетливые признаки преодоления кризиса идентичности и консолидации общества, что выражается в росте оптимизма в отношении будущего страны и снижении пессимизма, хотя в этих ожиданиях присутствует немало амбивалентных оценок. Полученные результаты свидетельствуют прежде всего о том, что в массовом сознании изменились, как смысловые, так и психологические параметры образа будущего.

* Шестопа́л Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: shestop0505@rambler.ru

¹ Статья подготовлена в рамках темы № 124101700553-5 «Представления российских граждан о будущем своей страны» при поддержке ЭИСИ в ИНИОН РАН.

DOI: 10.31249/poln/2024.04.08

Примечательно, что личное будущее воспринимается более позитивно, чем будущее страны в целом, что говорит о преобладании индивидуалистических тенденций. Этот тренд мы наблюдали и ранее, но если в 2000-е годы он означал отход от традиций советского коллективизма, то сейчас он свидетельствует об изменениях идентичности граждан, которые до начала 2020-х чаще идентифицировали себя со своей малой родиной, чем со страной в целом, а сейчас национально-государственная идентичность преобладает над локальной (территориальной), этнической или религиозной идентичностями.

Ключевые слова: будущее России; образ будущего страны; политическое восприятие; политические представления.

Для цитирования: Шестопал Е.Б. Представления российских граждан о будущем своей страны: смысловые акценты и психологическая оптика // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 190–216. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.08>

Введение

Представления российских граждан о своей стране являются своеобразной ментальной матрицей, которая лежит в фундаменте самосознания народа, его идентичности. Образ своей страны включает в себя темпоральное измерение, прежде всего, представления граждан о ее настоящем, прошлом и будущем [Смулькина, Рогач, 2022, с. 89–96]. При этом образ будущего психологически связан и с прошлым, и с настоящим. Не случайно сейчас ведутся настоящие «войны памяти», поскольку через трактовки прошлого страны идет программирование траекторий ее будущего развития. Образы будущего позволяют задолго до его наступления консолидировать общество для достижения ключевых целей развития.

Образ настоящего своей страны у наших граждан разительно отличается того, каким он был в 1980–1990-е. Мы явно ушли от представлений тех лет о России как о стране с отсталой экономикой, которая не идет ни в какое сравнение с развитыми странами Запада. В настоящем мы воспринимаем ее как великую державу, которая вызывает у ее граждан гордость и самоуважение [«Они» и «Мы»..., 2021, с. 390]. Эта трансформация образа настоящего идет с момента присоединения Крыма в 2014 г. и по сегодняшний день. Но самые большие сдвиги в восприятии своей страны были связаны с присоединением новых территорий и с началом проведения СВО в 2022 г. [Шестопал, Рогач, 2022, с. 51–55].

Но вслед за изменением образа настоящего России изменились и представления граждан о ее будущем и о возможных стра-

тегиях ее развития. В связи с этим возникает несколько исследовательских вопросов. Первый вопрос предполагает выявление того, какие смысловые акценты появились в последнее время в представлениях людей о будущем России. Во-вторых, какова психологическая оптика этих представлений о будущем: насколько они оптимистичны или пессимистичны, насколько четко или размыто, реалистично или идеалистично граждане представляют себе будущее своей страны на разных временных горизонтах. Именно изменения этих психологических характеристик массового сознания позволяют не просто зафиксировать сдвиги в рациональных представлениях граждан о своей стране, но и отследить более глубокие и не всегда осознаваемые нами процессы изменений в массовом сознании.

Теоретические подходы к анализу образа будущего своей страны как основа модели исследования

В анализе образа будущего своей страны мы опирались на три теоретических подхода: *теорию политических представлений, теорию политической идентичности и теорию политического восприятия*. Свою концептуальную модель образа будущего страны мы строили в русле последнего.

Важным теоретическим фундаментом данного исследования стали психологические и социологические работы, посвященные анализу *механизмов формирования социальных и политических представлений*. В психологической литературе термин «социальное представление» трактуется, как «промежуточная стадия между понятием и восприятием...» [Лейенс, Дарден, 2001, с. 140–141]. Примечательно, что даже если представления (например, представления о своей стране) не носят внятного артикулированного характера, то они могут передаваться из поколения в поколение, постепенно становясь частью культуры [Markova, 2003]. Это положение подкрепляет нашу гипотезу о не до конца осознаваемом характере образов будущего страны и об их укорененности в политической культуре страны. При этом глубинные архетипы, свойственные отечественной политической культуре, естественны для россиян, хотя они часто не осознаются [Иванова, 2017, с. 309–315]. Наряду с этими глубинными представлениями, пришедшими

из нашей традиции, в массовом сознании есть более поверхностный слой, образовавшийся в позднесоветский и постсоветский периоды за счет заимствования понятий, образов и ценностей из культур других стран и народов (преимущественно западных). Нередко исследователи фиксируют в массовом сознании противоречие между этими двумя кластерами социальных и политических представлений, которые сосуществуют как в массовом, так и в индивидуальном сознании [Шестопал, Рогач, 2020, с. 178].

Вторая группа работ, на которые мы опирались при построении своей исследовательской модели, представлена *концепциями идентичности*. Образ России, представление о ее месте в системе отношений с другими странами формируют своеобразную систему координат, в которой находит свое отражение национально-государственная идентичность российских граждан, которая и формирует образы будущего. Идентификационный подход к исследованию образов России и мира представлен разными типами исследований.

Во-первых, это работы, посвященные теоретическим проблемам формирования и репрезентации национально-государственной идентичности [Семененко, 2016, с. 8–28; Попова, 2016; Евгеньева, Титов, 2010, с. 122–134]. Во-вторых, это исследования, посвященные политическим и социокультурным факторам формирования и трансформации национальной идентичности [Капицын, 2014; Ачкасов, 2016, с. 40–48]. В-третьих, это авторы, анализирующие место пространственно-географических и исторических представлений в современной политике. В этом контексте наибольший для нас интерес представляют работы, посвященные изучению политики памяти в ее структурно-функциональном и символическом измерениях [Малинова, 2018, с. 9–25; Евгеньева, Селезнева, 2016, с. 25–39].

Свою концептуальную модель мы разрабатывали, опираясь прежде всего на теорию политического восприятия, в частности, на работы, посвященные образам своей страны в сознании граждан. Два последних десятилетия политическая психология находилась в поиске объяснительной модели, раскрывающей генезис образа страны. В этих работах образы страны изучаются комплексно, учитывая как содержание образа, так и его сложную психологическую природу [Образы государств..., 2010].

В своей концептуальной модели мы исходим из того, что в образе своей страны наряду с *рациональными* компонентами не-

обходимо учитывать *неосознаваемые*, по преимуществу эмоциональные составляющие. Проведенное нами политико-психологическое исследование содержало инструментарий, позволяющий выявить и разные уровни (рациональный и неосознаваемый) и разные измерения образа будущего России: *объектные* (включая политический контекст), *субъектные*, *пространственные*, *темпоральные*, *коммуникативные* и *другие* (см. рис.1.).

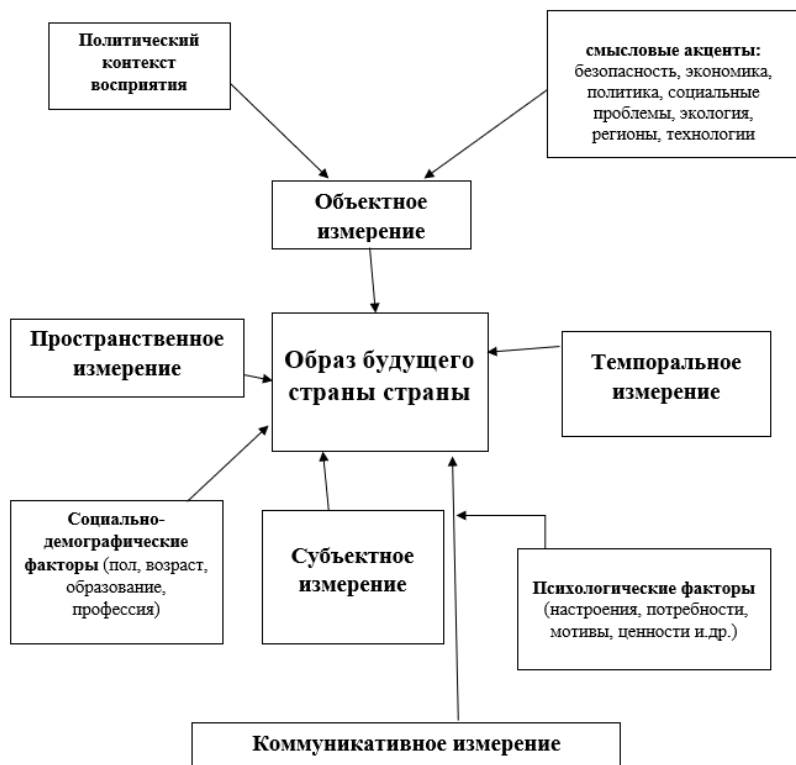

Рис. 1.
**Модель исследования образа будущего России
 в сознании граждан**

Как показал теоретический анализ, в образах страны, как и в иных объектах политического восприятия [Образы государств...,

2008], есть целый ряд измерений: объектные, субъектные, пространственные, темпоральные, коммуникативные и др. Они и были положены в основание нашей концептуальной модели и анализа полученных в эмпирическом исследовании данных в настоящей публикации. При всей его важности коммуникативное измерение не включено в данную работу в силу того, что оно требует иной методологии и не входит в число задач данного исследования.

Эта исследовательская модель позволяет получить актуальное представление опрошенных о том, как «мы», граждане России, видим самих себя и формируем собственную страновую идентичность.

Характеристика эмпирической части исследования

Эмпирической базой данной статьи являются результаты трех этапов исследования, проведенных на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в конце 2023 – начале 2024 г.

Первый этап исследования носил преимущественно качественный характер. Оно включало 24 открытых и 5 закрытых вопросов. Его выборка не была репрезентативна для страны в целом. Она составила 180 человек из 14 регионов: Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Белгородская, Костромская области, Московская, Саратовская, Тверская, Томская, Тюменская, Ульяновская области, Москва, Санкт-Петербург и Ямало-Ненецкий автономный округ. Выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию, как это принято в качественных исследованиях.

Второй этап исследования носил качественно-количественный характер, и имело более широкий охват как по количеству респондентов (600 человек), так и по числу и локализации регионов (37), что позволяет получить более разнообразные результаты. Выборка также была сбалансирована по полу, возрасту и образованию и включала 600 человек из 37 регионов: Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Крым, Республика Марий Эл, Республика Татарстан (Татарстан), Республика Тыва, Республика Хакасия, Камчатка, Красноярский край, Приморский край, Белгородская, Вологодская, Воронежская,

Иркутская, Калужская, Кемеровская области, Кировская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Пензенская области, Рязанская, Саратовская, Свердловская области, Томская, Тюменская, Ульяновская и Челябинская области. Как видим, впервые в выборку вошли респонденты из «нового» региона (Республика Крым).

Третий этап исследования был выполнен в рамках другого проекта нашей коллегой Н.С. Виноградовой с использованием части нашего инструментария. Это исследование носило преимущественно количественный характер. В опросе приняли участие более 4000 (3300 и 1014) респондентов из 42 регионов, в том числе из Луганской (ЛНР), Донецкой (ДНР) республик, Херсонской и Запорожской областей, а также Республики Крым.

Полученные данные репрезентативны для каждого из выбранных регионов. Что касается «старых территорий», то в их число специально были включены ряд регионов, пограничных с Украиной: Брянская, Курская и Белгородская области. В данной статье мы не имеем возможности описать региональные отличия в образе своей страны и ее будущего. Это будет темой отдельной публикации. Здесь же мы сфокусируем внимание на смысловых аспектах образов будущего своей страны в контексте происходящих политических процессов и на психологической трансформации самого нашего восприятия.

Методология

В эмпирической части исследования для получения информации о неосознаваемых аспектах образов своей страны были использованы опрос, фокусированные интервью с вопросами открытого типа, метод неоконченных предложений («Будущее страны представляется мне... и др.), а также проективная техника «рисунок будущего страны» [Селезнева, Смулькина, 2020, с. 209–236]. Рациональные аспекты образов были выявлены в опросе с помощью вопросов закрытого типа. Ответы респондентов, полученные в интервью, проходили процедуру шкалирования и статистического анализа с использованием IBM SPSS Statistics и MS Excel. Открытые

вопросы и рисуночные тесты анализировались с помощью качественного контент-анализа.

Содержание образов будущего своей страны на фоне происходящих событий

Концептуальная модель исследования, которая была описана выше, диктует определенную логику анализа полученных результатов. В соответствии с этой моделью мы и рассмотрим далее выделенные в образе будущего своей страны четыре его измерения: объектное, субъектное, пространственное и темпоральное.

Объектное измерение образа будущего страны

В нашей исследовательской модели в объектное измерение образа будущего страны включены, во-первых, контекст, а во-вторых, развитие отдельных содержательных сфер: военной и безопасности, экономики, политики, социальной сферы, регионов, прорывных технологий.

Контекст. Контекст, который влияет на формирование образа будущего страны, включает как универсальные мировые тренды, так и событийный фон, характерный именно для нашей страны в конкретный период ее развития.

Что касается общих характеристик контекста, то многие исследователи указывают на его радикальное изменение, начиная с последних десятилетий XX в. До конца 1980-х – начала 1990-х годов социальная реальность была относительно предсказуема, привычна и понятна людям. Ее можно назвать традиционной. Но на смену ей пришла нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность. Американский антрополог Дж. Кашио назвал ее VUCA [Cascio, 2003; 2004], что расшифровывается по первым буквам английских слов Volatility, Uncertainty, Complexity и Ambiguity. В нашей стране этому периоду соответствовали: перестройка, затем распад СССР и возникновение новой постсоветской политической системы. На фоне VUCA-реальности в российском обществе сложился своего рода «комплекс национальной неполноценности». Это был взгляд на себя, заимствованный у Запада: Россия

виделась ее гражданам как слабая, отсталая, нищая, вечно догоняющая «цивилизованные» страны. Критический перелом в подобном представлении о своей стране произошел под влиянием таких событий, как возвращение Крыма в Россию в 2014 г., Олимпийские игры в Сочи 2018 г., чемпионат мира по футболу в Москве. Признаки этого «комплекса неполноценности» наблюдались почти до конца периода VUCA, который совпал с возникшей в 2020 пандемией.

Именно с пандемии начался новый период социальной трансформации, который затронул все страны, но в России имел свою специфику, связанную как с успешным преодолением пандемии, так и особенно с началом СВО в феврале 2022 г. Эта новая модель социальной реальности получила название BANI и отличается такими психологическими характеристиками, как хрупкость (Brittle), беспокойство (Anxiety), нелинейность (Nonlinear) и непостижимость (Incomprehensible).

Наше исследование, проведенное в конце 2023 – начале 2024 г. показало, что период BANI существенно изменил представление российского общества о своей стране и ее будущем, что отчетливо прослеживается в ответах респондентов. Нас будут интересовать эти новые смысловые акценты в представлениях респондентов о будущем своей страны.

Содержательные характеристики представлений о будущем своей страны. Анализ ответов респондентов на открытые вопросы о будущем своей страны стоит начать с «инвентаризации» смысловых акцентов. Эти сферы мы выделили в ходе анализа открытых вопросов о желаемом и возможном ближайшем (5 лет) и средне-срочном (10 лет) будущем. Их называли сами респонденты, мы лишь обозначили, сгруппировали и закодировали их ответы. Так, в образах будущего страны встречались описания:

- экономики,
- военных аспектов (влияние СВО на ее будущее),
- политических аспектов (власть, лидеры, институты),
- социальных аспектов, (образование, здравоохранение, пенсии и т.п.),
- экологии,
- развития регионов,
- технологического прорыва.

Первое, что обращает на себя внимание, это ожидание изменений в краткосрочной перспективе 5 лет (см. табл. 1.).

Таблица 1

**Ожидание реальных изменений
в разных сферах жизни страны в ближайшие 5 лет**

Экономика	25,8%
Политика, власть	21,8%
СВО, военная сфера	19,6%
Социальная сфера (образование, медицина, пенсии)	7%
Экология	—
Регионы	0,5%
Технологии	1,8%

Что касается экономической сферы, то изменения, по мнению опрошенных, затронут, прежде всего, производственный потенциал страны, ее ВВП и бизнес, финансово-инвестиционный потенциал и личное благосостояние граждан.

Будущее в сфере политики, как его видят респонденты, предполагает изменение роли президента (15%), парламента (8%), появление новых политических сил (10%).

Обсуждая военную составляющую (текущая СВО и связанные с этим проблемы безопасности), опрошенные выражали надежду на лучшее: «Главное, чтобы новая война не случилась», хотя кто-то считает возможным и «нападение других стран на Россию». В горизонтах и 5, и 10 лет респонденты видят перспективу дальнейшего развития ВПК и укрепления обороноспособности страны. Все опрошенные хотели бы окончания СВО, но говоря о ближайшем пятилетнем периоде полагают, что спецоперация в эти сроки может и не завершиться. Многие использовали термин «война», считая его более адекватным. Вообще использованная лексика очень важна для понимания смыслов, которые люди вкладывают в свой ответ. Так, одни говорят о прекращении СВО, другие – о победе в СВО, третьи связывают с завершением войны «улучшение внутривнутриполитической ситуации», «полет в космос», «разрешение конфликта на Украине», «еще одну войну».

Вполне ожидаемо, что в более отдаленном будущем значение СВО снижается, а на третье по значимости место выходит экология. Опрошенные не знают, ожидать ли им «деурбанизации» или, наоборот, «быстрой урбанизации, изменения климата».

Растет со временем и значимость регионов и региональной политики. Ожидания опрошенных касаются и экономического, и социального развития регионов, особенно новых регионов.

При этом они не исключают возможного «роста конфликтов между центром и регионами».

Растут и ожидания респондентов в отношении технологических прорывов, которые позволят стране не только достичь технологического суверенитета, но и научиться лечить неизлечимые ныне болезни, освоить космос и т.п. Упомянуты и всеобщая цифровизация, роботизация и в целом рост науки и технологий.

Сфера образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения вызывает ныне весьма резкую критику. 13,3% опрошенных хотели бы в ближайшем будущем это изменить, но верят в то, что это реально, лишь 7%.

Таким образом, анализ смысловых акцентов по отдельным сферам образа будущего страны показывает, что наибольшее значение в будущем для опрошенных имеет развитие российской экономики. Следом за ней идет политика, включая ожидание появления новых политических акторов. Примечательно и то, что в будущей России опрошенные хотели бы видеть большее внимание государства к таким сферам, как экология и региональная политика. В отношении развития социальной сферы (образование, здравоохранение, культура и наука) оптимизма было высказано мало.

Субъектное измерение: психологические особенности восприятия будущего своей страны

Субъектное измерение образа включает в себя ключевые психологические особенности воспринимающих граждан. Из числа этих психологических параметров мы рассмотрим здесь *эмоциональный знак*, индикаторами которого выступают такие параметры, как *оптимизм / пессимизм, негативные и позитивные сценарии будущего; коллективистские / индивидуалистические установки, потребности*. Они формируют некую оптику, своего рода психологическую линзу, сквозь которую человек смотрит на объект восприятия.

Открытые вопросы, которые мы задавали в ходе исследования о будущем свой страны, позволили выявить наиболее значимые для респондентов сферы, затрагивающие как индивидуальное, так и коллективное будущее, эмоциональный знак образа будущего страны (пессимизм – оптимизм), ее желаемое (идеальное) и возможное (реалистическое) развитие.

Коллективное / Индивидуальное будущее. В наших исследованиях начиная с 2000-х годов мы сталкивались с одним любопытным феноменом, касающимся восприятия будущего [Трансформация образа своей страны..., 2022]: это гораздо больший оптимизм относительно личного будущего, нежели будущего коллективного, странового. Этот тренд наблюдается и сейчас (см. табл. 2), хотя акценты, несомненно, сместились.

Таблица 2

**Представления о личном будущем и будущем своей страны
(ответ на неоконченное предложение) (2023–2024)**

Мое будущее представляется мне...	%	Будущее моей страны представляется мне...	%
Оптимистичным	62,7	Оптимистичным	42,7
Пессимистичным	3,5	Пессимистичным	10,3
Неоднозначным (и оптимистичным и пессимистичным одновременно)	27,0	Неоднозначным (и оптимистичным и пессимистичным одновременно)	41,0
Затруднились ответить	6,8	Затруднились ответить	6,0

Первое, что бросается в глаза, это то, что личное будущее воспринимается намного более позитивно, чем будущее страны в целом: 62,7% против 42,7%. Вопрос состоит в том, чем объясняется столь существенная разница? Если в начале 2000-х мы видели в этой тенденции, прежде всего, следствие роста индивидуализма и отхода от традиций советского коллективизма, то сейчас, напротив, происходит консолидация общества в силу возврата к более глубинным, архетипическим основаниям нашей политической культуры.

Сама дихотомия индивидуализм – коллективизм предстает в совершенно ином свете, если принять во внимание, насколько изменилась идентичность граждан со своей страной. В предшествующий период (VUCA) все замеры социологов показывали, что в российском обществе граждане чаще идентифицировали себя со своей малой родиной, чем со страной в целом, что говорило о кризисе национально-государственной идентичности [Гражданская, этническая и региональная идентичность..., 2013].

Сейчас на фоне нового политического контекста мы видим преобладание на личностном уровне национально-государственной идентичности над локальной (территориальной), этнической или религиозной идентичностями (рис. 4). Именно преодоление кризиса национально-государственной идентичности, которое бы-

ло достигнуто в последние два года, поспособствовало росту консолидации, пик которой пришелся на президентские выборы 2024 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

**Ответ на неоконченное предложение:
«Для меня важно, что я являюсь...»**

	2023–2024
Гражданином РФ	67,4%
Жителем своего региона, города, села	12,9%
Представителем своей национальности	8,5%
Представителем религиозной конфессии	1,2%
Другое	10,0%

Оптимизм / Пессимизм. Образы будущего выполняют важную защитную функцию: нам очень важно верить, что в будущем и у нас лично, и в нашей стране все будет хорошо. Социальный оптимизм лежит в основе консолидации общества, его единства, в основе политического доверия [Седова, 2009, с. 164–181].

Как показало наше исследование, в настоящий момент с оптимизмом и пессимизмом ситуация выглядит неоднозначно. С одной стороны, оптимизм в разы преобладает над пессимизмом и в отношении личного будущего, и в отношении будущего всей страны (табл. 2), что говорит о том, что большая часть нашего общества сумела восстановить психологическое равновесие после пандемийной депрессии и шока, пережитого в начале СВО (в феврале 2022 г. уровень пессимизма просто зашкаливал) [Емельянова, Нестик, Семенова, 2022, с. 88–107].

С другой стороны, мы видим, что ощущение растущей неопределенности и хрупкости мира, характерное для социальной реальности BANI, тоже представлено весьма выпукло. Об этом говорит противоречивое восприятие будущего своей страны (см. табл. 4).

Таблица 4

Эмоциональный знак восприятия будущего своей страны

Ожидаемое (реалистичное) будущее страны через 5 и 10 лет. Эмоциональный знак		
	Через 5 лет	Через 10 лет
Позитивные чувства	34%	41%
Негативные чувства	33%	18%
Нейтральное отношение	16%	16%
Амбивалентные чувства	10%	15%
Затруднились	7%	11%

В приведенной таблице обращает на себя внимание, во-первых, рост позитивных и амбивалентных и существенное снижение негативных чувств в более отдаленной перспективе.

Большинство пессимистов тоже верит в светлое будущее, но не безусловно, например: «Нужно уменьшить влияние определенной группы людей, которые мешают продвигать интересы страны» или «Чтобы в России переменялась жизнь к лучшему ... правительство должно поддерживать ученых, их эксперименты, чтобы у нас развивалась своя техника».

В образе будущего нашей страны опрошенные расставили определенные ценностные приоритеты. Так, на первые места они поставили отстаивание национальных интересов своей страны и суверенитет, борьбу за мир и безопасность. Путь к достижению такого идеального будущего, которое изменит жизнь к лучшему, по мнению респондентов, лежит в перераспределении государственных доходов и заботе о гражданах.

Таким образом, мы видим, что респонденты чувствуют, что Россию в будущем ждут изменения, но эти изменения они оценивают, скорее, оптимистично. Идеальная Россия представляется им независимой и сильной, обращенной, прежде всего, на решение своих внутренних проблем, особенно в социальной сфере. Хотя баланс между пессимизмом и оптимизмом пока достаточно неустойчив, но преобладание оптимизма внушает надежду на то, что у нашего общества хватит сил и ресурсов справиться со всеми вызовами, как ему хватило сил побороть уныние, которое было широко распространено в ходе пандемии, и консолидироваться на основе поддержки своей страны в ходе СВО. Уже в 2023 г. консолидация общества существенно выросла, а результаты выборов президента в марте 2024 г. показали, что этот тренд проявил себя на поведенческом, а не только на вербальном уровне.

Анализ потребностей по шкале А. Маслоу мы проводили, кодируя ответы теста «неоконченное предложение»: *Будущее страны представляется мне...* Так, несколько неожиданно для нас основной акцент респонденты сделали на ожиданиях экономического процветания, за которым кроется неудовлетворенные *материальные потребности* (14,3%). На втором месте стоят *потребности безопасности*, (13,3%), что очевидно связывает образ будущего с продолжающейся СВО. Следующей по значимости идут *потребность в самореализации* (11,6%) и *потребность в*

самоактуализации (10,5%). И замыкает список потребность в любви (1,6%). Такая иерархия потребностей в наших исследованиях ранее не встречалась. Приведенные выше результаты показывают, что на момент исследования в обществе сформировано понимание необходимости более серьезных механизмов безопасности, в частности развития ВПК и укрепления военной сферы, но это понимание входит в определенное противоречие с приоритетом материального благополучия. Правда, определенные подвижки в нужном направлении тоже начали появляться. О чем свидетельствует рост потребностей высших уровней: в самоактуализации и самореализации, предполагающих формирование духовных ценностей, ценностей служения.

Во-первых, представления о будущем отличаются детализацией и конкретикой, что говорит о сформированности и когнитивной четкости образа будущего. Во-вторых, эти образы будущего отражают текущие социальные потребности. Примечательно, что несмотря на идущую СВО, на первом месте находится не потребность в безопасности, а материальные потребности, связанные с развитием экономики. Этот вывод подтверждается и тем, что больше опрошенных предполагают, что в будущем нас ожидает скорее снижение напряженности (40%), чем ее усиление (28%) или стагнация (7%).

Пространственное измерение образа будущего страны

О пространственном измерении образа будущего страны мы можем судить по представлениям респондентов о границах и территории своей страны.

История против географии. В образе будущего России представления о ее географическом положении, границах, масштабе занимают важное место. Это пространственное измерение образа будущего страны прежде всего включает в себя представление граждан о ее территории и границах, причем не только фактических, но и символических, не только о том, где эти границы реально проходят сегодня, но и о том, где они, с их точки зрения, будут проходить завтра или должны пройти. Мы задавали респондентам несколько вопросов на эту тему. Прежде всего выясняли, какими пределами *сегодня* для них ограничивается Россия? Кроме

того, мы спрашивали, увеличится или уменьшится наша территория *через 10 и через 20 лет?*

Ответы на вопрос о нынешних границах нашей страны оказались не столь очевидными, как мы предполагали. Так, одни опрошенные поняли этот вопрос как вопрос про географию, другие как вопрос про историю, третьи вообще не согласились с утверждением, что у России могут быть границы (см. табл. 5).

Таблица 5

Какими пределами для Вас ограничивается Россия?

	Ноябрь 2023 – январь 2024
Географическими, официальными	60,6%
У России нет границ	19,4%
Историческими	5,0%
Другое	8,9%
Затруднились	6,1%

Нас интересовала не только типология образов будущего как таковая, но, прежде всего, те психологические типажи, которые стоят за каждым их полученных ответов.

Так, во-первых, респондентов можно разделить на «реалистов» и «идеалистов». «Реалисты» признают то, что официально закреплено в Конституции: границы для них *«картографические», географические, «определены действующим законодательством России», «пограничной службой»*. Их понимание определяется чистой географией и формальным правом.

«Идеалисты» – это те, для кого границы российской территории определяют не контурные карты или записи в Конституции, а язык, этническая принадлежность, культура, дух, мораль, которые для них являются более весомыми, чем правовые или формальные аргументы. Этот факт вполне соответствует нашему менталитету и политической культуре.

«Идеалисты» как группа, однако, неоднородна. Для одних в вопросе границ важен масштаб нашей страны: Россия – *«необъятная», «бескрайняя», «у нее нет пределов», «нет ограничений»*. Такие ответы – это результат не столько правового нигилизма, хотя он тоже имеет место, сколько более широкой трактовки категории «границы»: *«Россия ограничивается теми землями где издревле жили славяне и пошли дальше осваивать новые земли, мы ограничиваемся только Европой и Монголией»; «разными, в зависимости от исторических обстоятельств»; «Культурными, Россия нахо-*

дится не только в территориальных границах. Частишки России находятся по всему миру». При этом те, кто рассматривает вопрос границ с исторической позиции, берут за эталон самые разные исторические эпохи: от времен Екатерины или царской России образца 1913 г., до границ СССР или 1991 г.

Вторым основанием для расхождений по вопросу границ является определение того, что можно считать своими или чужими землями. Одна группа (29,4%) трактует границы страны расширительно. Они не прочь прибавить к территории России Восточную Европу, ряд стран СНГ (Белоруссию и Центральную Азию), ЕС, Аляску и т.д., тогда как другая часть опрошенных (5,5%) хотела бы отказаться от нашего Северного Кавказа, Донбасса, Крыма, присоединившихся недавно. В качестве аргумента они приводят непризнание этих территорий со стороны Запада, мирового сообщества или неорганичность того ли иного региона нашей культуре. Как видим, за такими представлениями стоят определенные политические позиции: исходящие их интересов своей страны (пусть и своеобразно понятых), с одной стороны, и прозападные – с другой. Их количественное соотношение на момент исследования показывает рост осознания наших национальных интересов и преодоление кризиса идентичности 1990-х – начала 2000-х.

Изменение против неизменности. Ожидания в отношении будущего представляют собой чувствительный индикатор психологического состояния общества в настоящем. В этих ожиданиях относительно территории страны обращает на себя внимание, прежде всего, фиксация внимания респондентов на грядущем изменении – неизменности границ (табл. 6).

Таблица 6

Как Вы полагаете, в каких границах будет существовать Россия через... (один ответ)

10 лет	2017–2018 гг.	апрель 2022 г.	2023–2024 гг.
Останется без изменений	66,9%	42,1%	43,3%
Увеличится за счет	22,1%	53,3%	48,9%
Уменьшится за счет	4,3%	1,2%	3,9%
Затруднились / нет ответа	6,7%	3,4	3,9%
20 лет	2023–2024 гг.		
Останется без изменений	57,8%		
Увеличится за счет	23,3%		
Уменьшится за счет	3,9%		
Затруднились / нет ответа	15,0%		

Так, если в довольно стабильные 2017–2018 гг. почти две трети опрошенных не ожидали никаких изменений границ страны, то в начале специальной военной операции в апреле 2022 г. число тех, кто верил в неизменность наших границ, резко снизилось. В конце 2023 г. произошло некоторое увеличение числа тех, кто верит в неизменность нашей территории через 10 лет. Еще больше тех, кто надеется на то, что границы станут более устойчивыми и защищенными через двадцать лет: «Россия стала независимой, суверенной, самодостаточной мирной страной, всегда готовой к защите своих границ»; «открытие границ».

Эти данные говорят о том, что, во-первых, пространственные компоненты образа будущего страны весьма подвижны и находятся под влиянием текущего политического контекста. При этом стремление к стабильности и безопасности границ остается неизменно высоким. Во-вторых, идущие в настоящее время серьезные геополитические изменения (присоединение новых регионов и продолжающаяся СВО) делает прогноз наших респондентов об увеличении территории страны вполне реалистичным.

Приведенные выше данные дают возможность сделать некоторые выводы. Так, во-первых, реалистичные представления о своих границах встречаются несколько чаще, чем расширяющие или сужающие их, но все же массовое сознание отражает реальные процессы отнюдь не зеркально, и политическая оптика имеет свою логику: что-то люди воспринимают буквально и сразу, а что-то могут увидеть с определенным отставанием или опережением, а то и с искажением.

Во-вторых, следует отметить, что, хотя у небольшого числа опрошенных (5,5%) сохраняются представления о своей стране, явно заимствованные извне, все же большая часть респондентов преодолела широко распространенный еще недавно комплекс «национальной неполноценности».

Сегодня опрошенные уверены, что к границам 1991 г. мы уже никогда не вернемся. Если пять лет назад большинство респондентов считало, что Россия в ближайшие 10 лет останется в тех же границах, то в 2023 г. это мнение разделяли уже только 4,4% опрошенных. При этом почти половина считает, что размер России будет увеличиваться, и лишь 3,9% допускают, что он может и уменьшиться. В более отдаленной перспективе 20 лет этот тренд сохраняется.

Исследование показало, что под влиянием агрессивных действий Запада произошел сдвиг в символическом наполнении образа России. Если в 2017 г. она виделась, прежде всего, как миротворец, который помогает добиться мира другим народам, то сейчас она предстает, в первую очередь, как защитник своих национальных интересов.

Темпоральное измерение

Темпоральное измерение в данном исследовании определялось посредством вопросов о разных временных горизонтах будущего страны: ближне-, средне- и долгосрочного.

Близкое-далекое будущее. Будущее в представлениях опрошенных имеет различную конфигурацию на разных горизонтах: ближнем, среднем и отдаленном. Прежде всего это относится к отдельным сферам развития страны. Так, каждый пятый респондент (19,6%) полагает, что через 5 лет сфера безопасности, связанная с СВО все еще будет оказывать влияние на страну. В диапазоне 10–20 лет эта сфера уходит в тень (5% ответов) Экономическое развитие имеет важное значение на всех трех временных горизонтах, а вот значение политики (власть в целом, президент, парламент, партии) явно возрастет (21,8% через 5 лет и 30% через 10 лет). Опрошенные надеются, что через 10 лет регионы будут иметь большее значение (2,3%), чем через 5 лет (0,5%) (см. табл. 7).

Таблица 7

Ожидание реальных изменений в разных сферах жизни страны в ближайшие 5 и 10 лет

	Опишите, что, на Ваш взгляд, может реально произойти в нашей стране в будущем в ближайшие 5 лет?	Опишите, что, на Ваш взгляд, может реально произойти в нашей стране в будущем в ближайшие 10 лет?
Экономика	25,8%	27%
Политика, власть	21,8%	30%
СВО, военная сфера	19,6%	5%
Социальная сфера (образование, медицина, пенсии)	7%	6,3%
Экология	—	15
Регионы	0,5%	2,3%
Технологии	1,8%	6%

Следует отметить и эмоциональное восприятие разных горизонтов будущего. В таблице 4 было показано, как меняется эмоциональное отношение к будущему своей страны в краткосрочной-среднесрочной перспективе. Эти данные показывают определенный рост надежды на позитивные сценарии в более отдаленном будущем. В то же время растет и ощущение неопределенности и непредсказуемости того, что может произойти (амбивалентные оценки).

В исследовании была зафиксирована смена смысловых акцентов от более близкого будущего к более отдаленному. Так, если в ближнесрочной перспективе на первое место опрошенные ставят экономические проблемы (*«Взлет цен, уход некоторых профессий, понижение уровня жизни»*; *«Высокие цены, дефицит многих товаров»* *«стабилизируется рубль»*), то в перспективе 10 лет их больше волнуют уже вопросы политики и власти: (*«Разруха, бунты, митинги»*; *«смена правительства»*, *«смена лидеров»*; *«Сменится наконец-то высшая власть в РФ?»*, *«демократизация»*, *«выборы нового президента»*, *«институциональный коллапс»*).

Идеальное-реальное будущее. Представления о будущем имеют две модальности: то, что хотелось бы, чтобы произошло, и то, чего можно ожидать в реальности. Эти два вида образов будущего – идеальное (желаемое) и реальное (возможное) – по-разному воздействуют на поведение и сознание людей в настоящем. Полученные ответы на вопросы о том, что реально может произойти, дают возможность судить о реалистичности ожиданий граждан, хотя мы и не можем верифицировать степень реалистичности того, что только еще может произойти в будущем. Но такие высказывания, как: *«Консолидация всех этносов и рывок в светлое будущее»*, *«Расцвет Культуры, искусства, престижа, технологий»*, *«Появление мировой державы как Российская Империя»*, *«Закончатся все конфликты»* – можно оценить, как скорее нереалистичные. Такого рода представления встречаются крайне редко. Кроме того, идеальные представления о будущем в большей степени, чем реальные, связаны с архетипическими образами, многие из которых не осознаются, но определяют эмоциональные компоненты установок на будущее в настоящем [Шестопал, Рогач, 2020].

Заключение

1. Главным результатом проведенного нами исследования можно считать зафиксированные в нем изменения массовых представлений как о настоящем, так и о будущем своей страны. Эти изменения во многом вызваны резко изменившимся глобальным и национальным политическим контекстом, который определил трактовки гражданами личного будущего и будущего своей страны. Глобальный тренд, обусловленный воздействием новой социальной реальности, ведет к росту в наших ожиданиях будущего неопределенности и амбивалентных образов. Но наряду с этой общемировой тенденцией в российском массовом сознании проявились отчетливые признаки преодоления кризиса идентичности и консолидации общества, что выражается в росте *оптимизма* в отношении будущего страны и снижении *пессимизма*, хотя в этих ожиданиях присутствует немало *амбивалентных оценок*.

2. Полученные результаты свидетельствуют прежде всего о том, что в массовом сознании изменились в первую очередь психологические параметры образа будущего, а именно своеобразная психологическая оптика, сквозь которую респонденты видят свое будущее. В этой оптике можно выделить несколько параметров: шкалы оптимизма-пессимизма, коллективизма-индивидуализма, набор потребностей, стоящих за образами будущего, особенности когнитивных характеристик образа будущего, в частности, когнитивная четкость-размытость, реализм-идеализм, представление о разных горизонтах будущего (более или менее отдаленного или близкого) и др.

Прежде всего следует отметить, что респонденты, ощущая изменчивость грядущей реальности, ее неопределенность, которая отличает наше время от относительно недавнего прошлого, сами эти изменения оценивают, скорее, *оптимистично*. Так, Россия будущего представляется им независимой и сильной, обращенной, прежде всего, на решение своих внутренних проблем, особенно в социальной сфере. При этом, хотя баланс между пессимизмом и оптимизмом пока достаточно неустойчив, но оптимизм все же преобладает, особенно в отношении более отдаленного будущего. Это внушает надежду на то, что у нашего общества хватит сил и ресурсов справиться со всеми вызовами, как ему хватило сил побороть уныние, которое было широко распространено в ходе пан-

демии, и консолидироваться на основе поддержки своей страны в ходе СВО. Уже в 2023 г. консолидация общества существенно выросла, а результаты выборов президента в марте 2024 г. показали, что этот тренд проявил себя на поведенческом, а не только на вербальном уровне.

Вторая психологическая характеристика образов будущего страны касается ценностей *индивидуализма-коллективизма*, которые выражаются в отношении к будущему личному и будущего всей страны. Исследование показало, что личное будущее воспринимается более позитивно, чем будущее страны в целом, что говорит о преобладании индивидуалистических тенденций. Этот тренд мы наблюдали и ранее, но если в 2000-е годы он мог быть понят как отход от традиций советского коллективизма, то сейчас мы предположили, что он, скорее, свидетельствует о возврате к более глубинным, архетипическим основаниям нашей политической культуры. Сама дихотомия индивидуализм – коллективизм предстает в совершенно ином свете, если принять во внимание, насколько изменилась идентичность граждан со своей страной. До начала 2020-х граждане чаще идентифицировали себя со своей малой родиной, чем со страной в целом, что говорило о кризисе национально-государственной идентичности. Сейчас мы видим преобладание национально-государственной идентичности над локальной (территориальной), этнической или религиозной идентичностями в результате консолидации общества.

3. Если говорить о *смысловых акцентах* в образе будущего, то анализ ответов на открытые вопросы о будущем показал, что на первое место вышли ожидания в отношении *экономики*. Следом за ней идет акцент на *политике*, включая ожидание появления новых политических акторов. Примечательно и то, что в будущей России опрошенные хотели бы видеть большее внимание государства к таким сферам, как *экология*, *региональная политика*. В отношении развития *социальной сферы* (образование, здравоохранение, культура и наука) оптимизма было высказано, увы, мало.

Среди представлений о будущем страны пространственное измерение (представления о ее географическом положении, границах, масштабе) оказалось весьма чувствительной темой. Эмоциональный отклик вызвали несколько проблем.

Во-первых, это вопрос о *возможности и желательности территориальных изменений* в будущем. Так, если в довольно

стабильный период (2017–2018) почти две трети опрошенных не ожидали никаких изменений границ страны, то в начале специальной военной операции в апреле 2022 г. число тех, кто верил в неизменность наших границ, резко снизилось. В замере 2024 г. произошло некоторое увеличение числа тех, кто верит в неизменность нашей территории через 10 лет. Еще больше тех, кто надеется на то, что границы станут более устойчивыми и защищенными через 20 лет.

Во-вторых, примечательно, что восприятие имеющейся у России территории, стало намного более *реалистичным*, чем это было в первые постсоветские годы и до начала СВО. Противоположные взгляды на территорию России можно назвать *«идеалистичными»*. «Идеалисты» – это те, для кого границы российской территории определяют не контурные карты или записи в Конституции, а *язык, этническая принадлежность, культура, дух, мораль*, которые для них являются более весомыми, чем правовые или формальные аргументы. Этот факт вполне соответствует нашему менталитету и политической культуре.

4. Сама по себе военная операция привела к невиданному ранее переформатированию массового сознания российского общества. Произошла не просто ситуативная реакция на военную угрозу, но и более глубокие процессы преодоления кризиса национальной идентичности, которые, будем надеяться, окончательно вернули наше общество к самому себе. Таким образом, наша страна вопреки ожиданиям наших недоброжелателей не рассыпалась перед лицом внешних угроз и экономических санкций, а напротив, сосредоточилась и консолидировалась. Наряду с консолидацией в обществе проявились и опасные центробежные тенденции. Ряд социальных групп негативно отреагировал на действие государства по защите национальных интересов и хотя они составляют меньшинство населения, наличие этого раскола требует от государства решений, которые могли бы уменьшить разрыв между разными группами населения.

5. Последние изменения внутри- и внешнеполитического контекста не просто повлияли на текущие настроения, но и затронули глубинные слои политического сознания, сложившиеся в постсоветской России, ставшие фундаментом новой российской идентичности. Изменившиеся образы будущего своей страны свидетельствуют о преодолении кризиса национально-государствен-

ной идентичности, в результате чего из массового сознания начали вымываться заимствованные западные политические стереотипы, и большинство населения избавилось от доминирующего в 1990-е – 2010-е комплекса «национальной неполноценности». Описанные выше результаты исследования позволяют надеяться, что эта тенденция не сводится к ситуативному «эффекту сплочения вокруг флага», а имеет долгосрочный характер.

E.B. Shestopal*
**Russian citizens' images of a country's future:
contents and psychological optics¹**

Abstract. Recent changes in Russian and world politics were followed by substantial transformations of public mentality. These transformations affected not only current political perceptions, values attitudes, but also their vision of their country's future. The article discusses Russia's future images as it is viewed by respondents in a study, carried out by a chair of Sociology and Psychology of Politics in the end of 2023 – beginning of 2024 in 37 Russian regions. The study shows that in respondents' concepts of Russia's future one can trace the influence of both global and national context. The global trend influenced by a new social reality, leads to the growth of uncertainty and ambivalence of our expectations from future. Russian national trend differs from the global one. One can observe clear signs of consolidation of society, growth of optimism and decline of pessimism, though expectations of a future contain a number of ambivalent feelings. Results of the study give evidence to the fact that images of future have changes both in contents of expectations as well as in their psychological parameters.

It is noteworthy that individual future seems more positive to respondents than future of their country. That means, individualistic tendencies are predominant. We have met this tendency before. But if in 2000-s it was a sign of a drive from soviet type of collectivism, today one can tackle it as a change of citizens' national identity. Earlier the majority of respondents identified themselves with their local community, now national-state identity dominates over a local (territorial), ethnic or religious ones.

Keywords: future of Russia; image of a country's future; political perception; political representations

* **Shestopal Elena**, INION (Moscow, Russia); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: shestop0505@rambler.ru

¹ The article was prepared within the framework of the topic N 124101700553-5 "Russian citizens' ideas about the future of their country" with the support of the EISI at INION.

For citation: Shestopal E.B. Russian citizens' images of a country's future: contents and psychological optics. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 190–216. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.08>

References

- Achkasov V.A. On problems of Russian identity. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2016, N 6 (57), P. 40–48. (In Russ.)
- Cascio J. *Broken dreams (Transhuman space)*. Austin: Steve Jackson Games, 2003, 144 p.
- Cascio J. *Toxic memes (Transhuman space)*. Austin: Steve Jackson Games, 2004, 144 p.
- Drobizheva L.M. (ed.) *Civic, ethnic and regional identity: past, present future*. Moscow: ROSPEN, 2013, 485 p. (In Russ.)
- Emeljanova T.P., Nestik T.A., Semenova T.V. Experiencing a tense situation: a role of an internal locus control. *Novije psihologicheskije issledovanija*. 2022, N 1, P. 88–107. (In Russ.)
- Evgenjeva N.V., Titov V.V. National-state identity formation in Russian youth. *Polis. Political studies*. 2010, N 4, P. 122–134. (In Russ.)
- Evgenjeva T.V., Selezneva F.V. The Soviet past in value and symbolic space of Russian identity. *Polis. Political studies*. 2016, N 3, P. 25–39. (In Russ.)
- Ivanova M.G. Role of national archetypes for the formation of a future image of Russia. *RUDN journal of political science*. 2017, Vol. 19, N 3, P. 309–315. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-3-309-315> (In Russ.)
- Kapitsyn V.M. Symbols of national identity as a “Soft power” resource. *Discourse Pi*. 2014, N 1, P. 113–118. (In Russ.)
- Leyens J., Darden B. Basic concepts and approaches in social cognition. In: Huston M., Shtrebe V., Stephenson D. M. (eds). *Perspektivy sotsialnoi psikhologii*. Moscow: EKSMO–Press, 2001, P. 128–155. (In Russ.)
- Malinova O.Ju. Commemoration of a 100 years of Revolution(s) 1917 in Russian Federation: strategy analysis of key mnemonic actors. *Polis. Political studies*. 2018, N 1, P. 9–25. (In Russ.)
- Markova I. *Dialogicality and social representations*. Cambridge: Cambridge University press, 2003, 244 p.
- Popova O.V. Basic matrix of state identity policy in contemporary Russia. In: Senyushkina T.A., Baranov A.V. (eds.) *Political space and social time: Materials of the XXIX Kharaksky forum*. Simferopol: Arial, 2016, P. 160–165. (In Russ.)
- Sedova N.N. Contemporary Russian society: between anxiety and optimism. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2009, N 6 (94), P. 164–181. (In Russ.)
- Selezneva A.V., Smulkina N.V. Political and psychological particularities of Russians' perception of Slavonic countries. *Zhurnal frontirnich issledovanii*. 2020, N 4, P. 209–236. (In Russ.)
- Sememeko I.S. Politics of identity and identity in politics: ethno-national aspects, European context. *Polis. Political studies*. 2016, N 4, P. 8–28. (In Russ.)

- Shestopal E.B. (ed.). *Images of states, nations, leaders*. Moscow: Aspect Press, 2008, 286 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *"They" and "We". Images of Russia and the world in Russian mentality*. Moscow: ROSPEN, 2021, 423 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Skipin N.S., Lazarev A.A., Posokhova D.D., Konoplev A.Yu. Transformation of a country's image under the influence of political context. *Bulletin of Moscow University*. 2022, N 1, P. 7–28. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. Ideal representations as a factor of real leader's perception. *Polis. Political studies*. 2020, N 4, P. 166–180. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. Images of the present and future of Russia in political mentality of citizens. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2022, N 6, P.51–55. (In Russ.)
- Smulkina N.V., Rogach N.N. Images of the past, present and future of Russia: symbolic dimension. *Kontury globalnykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2022, Vol. 15, N 5, P. 89–106. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ачкасов В.А. О проблемах российской идентичности // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 6 (57). – С. 40–48.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 25–39.
- Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 122–134.
- Емельянова Т.П., Нестик Т.А., Семенова Т.В. Переживание напряженной социальной ситуации: роль интернального локуса контроля // Новые психологические исследования. – 2022. – № 1. – С. 88–107.
- Иванова М.Г. Роль национальных архетипов для формирования образа будущего России // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2017. – № 3. – С. 309–315. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-3-309-315>
- Капицын В.М. Символы национальной идентичности как ресурс «Soft power» // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 113–118.
- Лейенс Ж., Дарден Б. Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии / под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Д.М. Стефенсона. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 128–155.
- Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 9–25.

- Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 286 с.
- «Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОСПЭН, 2021. – 423 с.
- Попова О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время: материалы ХХІХ Харакского форума / под ред. Сенюшкиной Т.А., Баранова А.В. – Симферополь: Ариал, 2016. – С. 160–165.
- Седова Н.Н. Современное российское общество: между тревогой и оптимизмом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 6 (94). – С. 164–181.
- Селезнева А.В., Смутькина Н.В. Политико-психологические особенности восприятия славянских стран российскими гражданами // Журнал фронтирных исследований. – 2020. – № 4. – С. 209–236.
- Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.
- Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 89–106.
- Трансформация образа своей страны под влиянием политического контекста / Е.Б. Шестопал, Н.С. Скипин, А.А. Лазарев, Д.Д. Посохова, А.Ю. Коноплев // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 1. – С. 7–28.
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 166–180.
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. – 2022. – № 6. – С. 51–55.